УДК 821

DOI: 10.21779/2542-0313- 2017-32-4-40-46

Н.Н. Гусейнова

Роль традиций классической восточной литературы в формировании образа лишнего человека

Институт литературы Национальной академии наук Азербайджана; Азербайджан, AZ1073, Баку, проспект Х. Джавида, 115; huseynova.1983@inbox.ru

В статье рассматриваются вопросы становления образа лишнего человека в азербайджанской литературе. Анализ показал, что этот образ по своему поведению, утраченным связям и отношениям, безмерности чувств, личной бескорыстности генетически связан с образом ашуга (влюбленного) в поэтической литературе (сборниках-диванах) Средневековья, с образом Меджнуна, воплотившим в себе черты этого влюбленного. Однако этап, на котором были созданы эти образы, традиции и типологические черты, полученные ими извне, из других литературных традиций, проявляют себя. В целом можно сказать, что генетические коды, синтезируясь с типологическими элементами иной литературы, обуславливаясь национально-историческими обстоятельствами, сформировали и взрастили в азербайджанской литературе своеобразный тип лишнего человека.

Ключевые слова: *лишний человек, литература диванов (поэтических сборников), Меджнун, Физули, Джалил Мамедкулизаде, Джафар Джаббарлы, азербайджанская литература.*

Введение

Хотя первоначально формирование образа лишнего человека в литературе Азербайджана основывалось на традициях просветительско-реалистической литературы XIX века, полный эволюционный цикл развития оно прошло к первым десятилетиям XX века. На этом этапе мы встречаемся с образами лишнего человека Джалила Мамедкулизаде и Джафара Джаббарлы, которые могут быть соотнесены с подобными образцами мирового литературного процесса. Этап, на котором они были созданы, раскрывает типологию литературных тенденций и традицию, которой они следуют, исходя из литературы других народов. Типологические элементы из разных источников синтезируют генетические коды и национально-исторические условия, с которыми они имеют дело, то есть с конкретным типом литературы.

Теперь образ лишнего человека в мировой литературе как литературного героя не вызывает сомнений. В разнообразных литературных течениях – романтизме, сентиментализме и особенно в критическом реализме этот герой занимает особое место при освещении процессов жизни в разных контекстах. Его основная художественно-эстетическая функция – показать с помощью художественных средств и способов сущность процесса искажения и развращения чувств, а также выявить, как общество может и направить потенциал человека, его талант с позитива на негатив. Процесс эволюции образа лишнего человека, который был свойственен литературе разных регионов, свойственен и русской литературе XIX века. В русской литературе были созданы характерные типы лишних людей, что можно видеть на примере Евгения Онегина, Печорина, Обломова и др. Этим была заложена основа для многих традиций на более поздних этапах развития литературы.

Эти герои сформировали устойчивые типологические особенности лишнего человека. Это психологически чувствительный герой, обладающий высоким потенциалом, он не может наладить отношения с обществом из-за ряда недостатков этого общества. В конце концов он становится лишним человеком из-за своей вспыльчивости, догматичности и т. д. Все это типологические признаки среднего уровня, однако в каждом литературном процессе они проявляются в соответствии с существующими традициями, сформировавшейся общественной средой. В итоге возвращается собственный литературный герой. В этом смысле для определения своеобразия черт типа лишнего человека в азербайджанской литературе необходимо выявить и рассмотреть основные, ведущие факторы воздействия. Среди этих факторов основное место занимают традиции классической восточной литературы.

Исторический этап формирования образа лишнего человека в азербайджанской литературе

Хотя формирование образа лишнего человека в Азербайджане началось в реалистической литературе XIX века, полный эволюционный цикл завершился в первые десятилетия XX века. На этом этапе мы находим образы лишних людей в творчестве Джалила Мамедкулизаде и Джафара Джаббарлы, которые они создали на уровне тех, которые могут войти в мировую литературу. Примечательно, что в русской литературе образ лишнего человека в основном создан в прозе, в литературе Азербайджана эти герои появляются больше в драматургии.

Джалил Мамедкулизаде – ведущая фигура в критическом крыле азербайджанской литературы, как в прозе, так и в драме. В его творчестве мы сталкиваемся с богатой галереей образов маленького человека и лишнего человека, типичных для критических реалий. Маленький человек характерен для прозы, а лишний человек – для драмы. Александр Великий («Мертвые») и Молла Аббас («Собрание умалишенных») [3] – это образы, созданные драматургом, они являются носителями общих типологических характеристик лишнего человека как литературного героя.

С точки зрения художественного метода творчество Дж. Джаббарлы, которое носит динамический характер, проявляется в трагедиях «Айдын» и «Огтай Элоглу» в синтезе критического реализма и романтизма.

В начале XX века типы лишних людей в творчестве Дж. Мамедкулизаде и Дж. Джаббарлы отличались от подобных в русской литературе своей печалью и трагической судьбой [4]. В русской литературе «лишние люди» – это те, кто, пресытившись развлечениями, роскошью, стремится к приключениям и искусственным страстям (Евгений Онегин и Печорин) [1; 8; 14]. Были и такие, которые, не найдя себе места в обществе, отошли от всякой деятельности и окончательно обленились (Обломов) [4]. В азербайджанской литературе лишние люди из-за недостатков в обществе, с которыми они не могли смириться, становились «придурками», «прощелыгами» или «неудачниками», живя трагическими переживаниями по поводу условий, которые их отдалили от общества и по поводу утрат в собственной судьбе. Именно поэтому они опечалены и скорбны.

Основные отличия лишнего человека в азербайджанской литературе от лишнего человека в русской были, как уже говорилось, связаны с окружающей средой и литературной традицией [13].

В основе характеристики среды лежат серьезные историко-политические факторы. Так, лишние люди в русской литературе были представителями народа, который проводил в жизнь захватническую политику России, военные походы. Несомненно, по-

ходы, которые завершаются победой, создают в обществе особую обстановку веселья, развлечений, желания поискать приключений на захваченных территориях. Именно поэтому у аристократической молодежи появилась тяга к развлечениям, потом возникла усталость от них, и соответственно возросло стремление к поискам приключений, причем на вновь захваченных территориях. В литературе получили свое художественное воплощение как раз подобные герои своего времени.

В отличие от России, Азербайджан был оккупированной страной. Несомненно, это способствовало появлению ощущения чего-то утраченного, возникновению печали и безысходности. Даже вредные привычки героя (например, пристрастие Искандера к спиртному) происходят от бессилия перед трагедиями, переживаемым и обществом.

Типы, сформированные в разных условиях по своему поведению и стилю выражения также проявляются в генетическом коде соответствующей литературной традиции.

Стремление к одиночеству влюбленного (образ ашуга) в классической восточной литературе и бегство из общества лишнего человека

Типологическими особенностями лишнего человека являются его внутреннее одиночество и неумение «найти общий язык» с социальной средой. Есть своеобразные традиции отчуждения героя азербайджанской литературы от внешней среды. Основное лицо здесь, несомненно, Меджнун. Меджнун – (по своей биографии, судьбе, средствам и формам связи с силами, которые ему сопутствуют) – образец ашуга в диванной литературе Средневековья. В этом смысле его образ есть образ ашуга вообще в литературе дивана (поэтических сборниках).

Айдын, который бежит от общества, будучи влюбленным, но так и не может полностью отойти от него, напоминает образ ашуга из указанной литературы. Приведем бейт из поэзии Физули, который поностью соответствует состоянию Айдына:

Горю я, как свеча в ночи скорбей,

Я жертва своеволия страстей (букв.) [6, с. 275].

Айдын, герой произведения Дж. Джаббарлы, страдает как вблизи, так и в отдалении от Гюльтекин. Своему другу Сурхаю он так объясняет переживаемые чувства: «...поверь мне, что сейчас я сам себя не понимаю. Я и хочу, и не хочу, и люблю, и ненавижу. Три месяца назад я вроде бы скучал, а сегодня, как будто впервые увидев, снова стал ее пленником. Да, я действительно сошел с ума, я сумасшедший» [2, с. 213].

Ашуг, отдалившийся от людей, говорит, что нет в обществе сочувствия и преданности, практически его изгнало из общества отсутствие преданности:

Неблагодарно, Физули, светило счастья ко мне:

Не позволяет и на миг с любимой встретиться Луной (букв.) [6, с. 268].

Айдын и Октай (в особенности Октай) столкнулись с предательством в ответ на свою преданность. Айдын сказал о том, что Гюльтекин, отвечая на его любовь, не сделала его счастливым, а он перестал доверять ей, стал сомневаться в ее верности. Октай является ашугом (воспевателем) и народа, и Фиренгиз. Преданно служивший своему народу Октай столкнулся с тем, что о его сестре Севяр не позаботились, она оказалась на улице в качестве нищенки. Октай, узнав в попрошайке свою сестру, перенес глубокое потрясение, так охарактеризовав свою трагедию: «...я размышлял о трех вещах, о которых среди жизненных трагедий успел позабыть: этот несчастный народ, тебя, и, ох, ту предавшую меня, которую я любил. Если бы я был каким-либо богатым и знаменитым человеком, то к нам приходили бы сотни сватов, прося твоей руки. Но кто же тебя возьмет в таком состоянии? Ты сейчас просто попрошайка. Даже не посмотрят на твою

красоту. Да, ты нищенка. Встань, милая! И ты, как и я, просто отверженная, пойдем дальше вместе» (букв.) [2, с. 275].

Интерес представляет схожесть сцен встреч возлюбленных, где реализуется мотив прекращения пути одиночества: Меджнун встречается с Лейли в пустыне, а Октай с Фиренгиз – на сцене.

Есть параллель между фразами обращения Меджнуна к Лейли: «Уйди, уйди, ты не та Лейли» и Октая к Фиренгиз: «О, Фиренгиз, зачем же ты пришла, зачем пришла, повстречалась на моих жизненных перекрестках и погубила меня? О, я хотел бы... ведь я хотел покончить с жизнью отверженного и вернуться к прошлой жизни. Почему она повстречалась мне и пересекла мне дорогу? Уйди! Ради бога, уйди! Больше не попадайся мне на глаза! Я ухожу, причем навсегда. Я был королем отверженных, и вновь теперь им стану» (букв.) [2, с. 287]. В конце монолога герой вонзает нож себе в грудь. Меджнун же теряет связи с телесным, жизненным, свою страсть к Лейли, на которой он когда-то хотел жениться, а Октай теряет Фиренгиз, за которую он когда-то был готов умереть, а также сцену. Каждый из героев избрал бегство, а не возврат к жизни.

В каждом из произведений и Меджнуна, и Октая призывают вернуться в общество, к нормальной жизни, обеспеченности, здравому смыслу. Отец Меджнуна нашел сына в пустыне, сказал ему при этом, что готов сделать все, о чем бы тот ни попросил, что бы ни захотело его сердце:

Поведай мне, что сделалось с тобой,
Мне тайну сердца скрытую открой!
Кем ты лишен был самообладанья,
Кем отдан ты в плен черного страданья? [7, с. 74].

О том, что Октай, получив приглашение от театра, все-таки отказался от него, читатель узнает из слов директора театра Хосрова, что после революции он получил свободу, ему даже предложили большую должность, однако он сказал: «я не могу трезво судить о людях, я правлю становищем отверженных...» [2, с. 268].

Искендер (герой произведения Дж. Мамедкулизаде) также, не реализовав свои притязания к обществу, впал в пьянство, одновременно отказался от всяких жизненных благ, что является способом бегства от реальности. Он из-за пьянства потерял возможность стать преемником Гаджи Гасана, уважаемого в обществе и богатого человека, с большим авторитетом. Хотя он и являлся старшим сыном, его всерьез никто не воспринимал и не считал правопреемником Гаджи Гасана.

Лишний человек восполняет брешь, полученную при бегстве из общества, пороками. Он привыкает к игре, охоте, путешествиям, выпивке, сражениям (иногда все это сочетается). Все это ведет к одиночеству. В классической восточной литературе ашуг (влюбленный) привыкает к своему горю. Горе свое он любит больше общества, от которого отвернулся, а обратившись к Богу, просит у него еще больше печали, считая ее своим лекарством, средством исцеления. Интересно, что автор лирической поэзии присоединяется к ашугу, также жертвуя собой во имя любви. Испытывая жалость и сочувствие к влюбленному герою, стремится выразить это в словах. В одном из рубаи во введении к поэме Физули «Лейли и Меджнун» он молит Бога:

Здесь нужен ум, высокий и правдивый,
И стих, понятный людям и красивый.
В печальном буду странствовать краю,
Со мной разделит кто судьбу мою? [7, с. 10]

Иногда поэт устами ашуга говорит: «Избавь нас от разлуки, избавь от горя и страдания нас» [6, с. 331]. Но и без горя ему не жить, он просит у Бога страданий, ставя их на одну доску с самой жизнью:

А если в книге жизненных дорог
"Твой день настал" напишет мне мой рок,
То буду я своей доволен долей,
Не захочу другой по доброй воле [6, с. 266].

В его переживаниях играет большую роль вино. Как видно, от вина не свободен, как правило, ни ашуг диванной поэзии, ни лишний человек современного периода. Как пишет Сейид Азим Ширвани,

Душа моя, раз чашу держишь ты в руке
Не будь тем, кто четки вращает в руке ... (букв.) [9, с. 42].

Можно сказать, что эта мысль характерна для многих представителей классической поэзии. Ашуг всегда молит виночерпия о следующей чаше вина:

Ты рассказал, в вине какая сладость,
И этот пир устроил нам на радость.
Так, всем поочередно наливай,
Простым и знатным чарку подавай. [7, с. 31]

Следует отметить, что в лирической поэзии поэтических сборников (диванов) слова и выражения *чаша*, *вино*, *хмельной напиток*, *виночерпий* носят иносказательный характер, здесь имеется в виду похмелье от любви. Но вместе с тем у большинства героев – лишних людей есть привычка к алкоголю, подобно Искендеру, Айдыну, Октаю. Если вдруг к ашугу вернется разум, то он отойдет от «Него», от высшего Абсолюта к реальному бытию. Лишние люди потому склонны к пьянству, что они иначе не выдержали бы трудности и испытания реальной жизни.

Лишний человек, цели и идеалы образа ашуга в любовной лирике (литература диван)

С точки зрения жертвенности больше привлекает внимание образ Октая (в сравнении с Меджнуном). Речь идет о произведении Джафара Джаббарлы «Октай Элоглу». Как ашуг в любовной лирике диванов Меджнун, Октай также влюбился «по-черному», потерял разум. Меджнун из-за любви к красавице Лейли пренебрег всем. Октай также из-за сцены, которую любил всей душой, потерял все. Если у Меджнуна конечной целью и идеалом было воплощение в «Нем», то у Октая было желание подавить в себе любовь к сцене, пожертвовать ею, повернув народ лицом к событиям, культурным процессам, происходившим в мире. Первым идеалом было приближение к божественному началу, а вторым – приближение к жизни. Исполнение каждого из них требовало жертвенности, отказа от многих мирских желаний. Эти параллели говорят о том, что каждый из героев в своей жертвенности достиг предела жизненных возможностей.

Своим желанием жить во имя достижения общественного блага Октай напоминает, с одной стороны, героя комедии А. Грибоедова «Горе от ума» Чацкого, с другой же стороны, своим поведением, преданностью, ролью, исполняемой им на пути к идеалу, напоминает Меджнуна: «Столкновение Чацкого с московским обществом происходит по многим вопросам: это отношение к крепостному праву, к государственной службе, к отечественной науке и культуре, к образованию, национальным традициям и языку» [10]. Октай конфликтует с социальной средой по таким социальным проблемам, как культурное развитие, положение женщины в обществе и проч. Вместе с тем он не

находит реальных возможностей разрешения конфликтов и удаляется от общества, от своих идеалов. Войдя в галерею лишних людей XIX–XX веков по сути своего жизненного конфликта, Октай напоминает своей чувственностью и влюбленностью героев Средних веков.

В литературе любовной лирики (диванах) ашуг, отказываясь от разума, считает себя находящимся ближе к идеалу. В азербайджанской литературе XIX столетия Касум Бек Закир как известный последователь традиций Физули и основатель новой просветительно-реалистической поэзии как-то указал на преимущество безумия перед разумом:

Вот так, мой разум свел меня с ума,

А так я человеком был среди безумья [5, с. 128].

Путь схождения с ума влюбленного (ашуга), когда он забывает, кто он есть, прекрасно показан великим представителем средневековой поэзии Физули в его великой газели:

Я разума приказ не чту, но не из прихоти пустой:

Любви – султану должен я покорность вечную блюсти [6, с. 220].

В азербайджанской литературе выведен образ литературного героя – лишнего человека, у которого между идеалом и реальным положением дел – целая пропасть. Проблема в том, что герой никак не может найти путей решения проблем. По мере того, как герой лирической литературы (диван), жертвуя собой, приближается к идеалу, у него растет надежда в свершении желаемого, лишний же человек, жертвуя собой, отдаляется от своей цели, попадая в безнадежное положение.

Проведенное сравнительное исследование позволило сделать следующие выводы: как и другие теоретические категории, типаж лишнего человека носит в себе ряд последовательных признаков, связанных с изменяющимися условиями и принципами художественного творчества. Наряду с этим идет взаимовлияние литературных течений и направлений. Не следует забывать и о переживаемом периоде. В этом отношении образ лишнего человека в азербайджанской литературе соответствует своей социальной среде и проживаемому периоду. На формирование образа лишнего человека в азербайджанской литературе оказали серьезное влияние как колониальная среда, так и образ ашуга из классической восточной литературной традиции.

Литература

1. Пушкин А.С. Евгений Онегин // ilibrary.ru/text/436/index.html.
2. Джаббарлы Дж. Произведения: в 2 т. – Баку, 2005. – Т. II. – 256 с. (на азерб. яз.).
3. Мамедкулизаде Дж. Произведения. – Баку: Ондар, 2004. – Т. I. – 189 с. (на азерб. яз.).
4. Гончаров И.А. Обломов. Текст произведения // ilibrary.ru/text/475/p.1/index.html.
5. Закир Касум Бек. Избранные произведения. – Баку: Аврасия-Пресс, 2005. – 213 с. (на азерб. яз.).
6. Физули М. Произведения: в 6 т. – Баку: Шарг-Гарб, 2005. – Т. I. – 192 с. (на азерб. яз.).
7. Физули М. Произведения: в 6 т. – Баку: Шарг-Гарб, 2005. – Т. II. – 235 с. (на азерб. яз.).
8. Лермонтов МЮ. Герой нашего времени // ilibrary.ru/text/12/index.html.
9. Ширвани С.А. Произведения. – Баку: НАНА, 1967. – Т. I. – 143 с. (на азерб. яз.).

10. Тема лишнего человека в русской литературе // <https://www.proza.ru/2014/06/04/801>.

11. Бойко В.А., Постнов О.Г. Личность и традиция: опыт преодоления проблемы лишнего человека в русской литературе XIX века // Критика и семиотика. – Новосибирск–М., 2007. – Вып. 11. – С. 192–203.

12. Герайзаде Л. Духовные проблемы в работе русскоязычных писателей. // Материалы Республиканской научно-теоретической конференции по актуальным проблемам филологии, посвященной 20-летию Азербайджанской Республики. – Баку, 7–8 мая 2015 года. – С. 35–38.

13. Двоеглазов В.В. «Правда» и «праведничество» в «духовной биографии» А.С. Пушкина // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – Орел, 2014. – № 5 (61). – С. 200–207 (0,8 п. л.).

14. Николаев Н.И., Швецова Т.В. Русский литературный герой 30–40-х годов XIX века и проблема поступка // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 3–1. – С. 201–204.

Поступила в редакцию 4 ноября 2017 г.

UDC 821

DOI: 10.21779/2542-0313- 2017-32-4-40-46

The role of classical Oriental literature traditions in shaping the image of a superfluous man

N.N. Huseynova

Institute of Literature of the National Academy of Sciences of Azerbaijan; Azerbaijan; AZ1073, Baku, Javid Avenue, 115; huseynova.1983@inbox.ru

The article reviews the formation of the image of a superfluous man in Azerbaijani literature. The analysis has shown that the image of the superfluous man in Azerbaijani literature according to his behavior, lost connections and relationships, the immensity of feelings, unselfishness was genetically related to the image of ashug (lover) in the poetry literature (divan collections) of the Middle Ages, with the image of Majnun, who was the embodiment of such character. However, the stage at which they were created, the traditions and typological traits received by them from the external literary traditions, manifest themselves. In general, it is possible to say that the genetic codes, synthesized with the typological elements of other literature, conditioned by the national historical circumstances, have shaped and created a kind of a superfluous man in the Azerbaijani literature.

Keywords: *superfluous man, divan literature (poetic collections), Majnun, Fizuli, Jalil Mamedguluzadeh, Jafar Jabbarli, Azerbaijani literature.*

Received 4 November, 2017